"Я наивный деревенский стихотворец..."

Роман Харисович Солнцев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Беседа с красноярским писателем Р.Х.Солнцевым. Записал Александр Силаев. Фото Анатолия Белоногова. Опубликовано в газете "Вечерний Красноярск" №22 27 июля 2005 года.

- Роман Солнцев
  -
  - Залы и стили
  - Общение в рифму
  - Рыбаки и грибники
  - Приметы для Чубайса

Роман Солнцев "Я наивный деревенский стихотворец..."

Недавно Роман Солнцев вышел в номинанты премии "Букер". Особого восторга наш земляк не испытывает: "все равно москвичи дадут своему". Потому настроение спокойное. К тому же он многопланов. Автор не только литературы, но и, так скажем, литературной среды. Журнал "День и ночь", премия имени Астафьева, Литературный лицей - все это его заботы. О своих ближайших планах рассказывает он сам.

— Не кажется, что писателей в России сейчас больше, чем квалифицированных читателей? На одну премию "Дебют" идет каждый год 50 тысяч человек до 25 лет. Несколько сот тысяч человек в России чего-то кропает.

— А что такое квалифицированный читатель?

— Человек, без труда читающий любой текст. Набокова, Астафьева, Пелевина, Джойса.

— Ну, дорогой мой, все эти сотни пишущих, включая графоманов, - они ведь еще и читатели! Разве не радость великая! Кроме самых необузданных, клинических, но таких всего 5-6 процентов. Остальные, думаю, до звания нормального читателя доросли.

— То есть литература не уступает иным формам "репрезентации реальности"? Кино, рок-музыке, компьютерным всяким штукам?

— Это другой вопрос. Литература сейчас действительно

отступает. Можно вспомнить фразу Ленина про важнейшее из искусств. Все сейчас отступило перед ТВ. Это пушечное явление, оно пробивает любую кожу. Не хочешь, а смотришь. Причем думать, за редким исключением, это не провоцирует. Какой-то умный круг собирает только канал "Культура", может быть, еще ТВЦ.

Залы и стили

— Если уж разговор о попсе... У вас не возникало желания отделить понятие "литература" от понятия "книга"?

— Да, конечно. Простой пример. Вот славный магазин "Русское слово". Есть первый зал - там фантастика, детективы, есть второй - для литературы. Я не знаю писателей, художников, просто приличных людей, которые бы в первом зале задерживались. Хотя и в первом зале есть свои имена. Бушков, например, король детектива, это талантливый человек. Его первые фантастические повести замечательны.

— Каков тогда критерий литературности?

— Литература - это язык. Возьмите хорошую книгу и попробуйте пересказать, о чем она. Не получится. А вот если только сюжет и желание подергать читателя за разные части тела - это не литература. Это грандиозные, роскошные игрушки. Но слава их — того же Сорокина, Пелевина - преувеличена. Я спрашивал молодых людей, они что-то слышали, но сами-то не читали! Да, слышали, есть такой Сорокин, у него Хрущев совокупляется с кем-то: с Брежневым, кажется. Но чтобы купить книжку за 470 рублей, такого нет.

— Подождите! Мой любимый Пелевин - это уже второй зал!

— Потому что самый из них талантливый. И у него задачи, кроме развлечения. Он рассказывает людям, чего они не знают. Про буддизм, про Тибет. Головачев издал шеститомник, где рассказал про все основные религии. Такая вот попытка просветительства.

— Я бы не доверил Головачеву рассказывать мне, допустим, про индуизм...

— Я в книжные магазины захожу сейчас, как в "Березку" периода СССР. Где все только за валюту, а валюты нет. Ходишь, смотришь. Все, что угодно. Вся литература, философия, вся мировая классика. Но либо у меня есть эти книги, либо нет на них денег.

Общение в рифму

— Вы пишете как минимум уже сорок лет. Если бы литератору можно было выбирать десятилетие для начала, какое стоило выбрать? Когда писать было возможнее всего?

— В начале 1960-х. Стена уже начинала шататься, но зубы у нее были еще страшные. И была увлекательная игра. Одна строка могла сделать вас знаменитым. Но одна строка могла тебя и погубить. За границей известность - а здесь конец. У меня тогда особого в эту сторону азарта не было. Может быть, оттого что вырос в деревне. Скромный был пацан. Понимал, чем кончиться может. В нашей группе, нас было человек двенадцать - Вампилов там был, Распутин, - особо не фрондировали. Но были ребята, которые специально ставили себя под удар. Подыгрывали репрессиям, надеясь на славу.

— Есть слава, и есть поэзия. Простите за хамство: тот же Евтушенко - хороший поэт?

— Замечательный. В начале 1960-х. А потом начались его игры то с публикой, то с цензурой. Когда он читал поэму "Братская ГЭС" в самом Братске, женщина там, потрясая своим ребенком, кричала: "Я вам, Евгений Александрович, все доверю! Даже ребенка!" А после выступления, уже на пьянке, подошел поэт Межиров: "Женя, ты не обидишься?" Евтушенко величественно кивает: говори. "Женя, ты понял, что это не поэзия? Публицистика в рифму:"

— Это дорога к успеху тогда. А сейчас?

— Эх, Саша, да разве не напишем мы с тобой по пошлейшему детективу? Не раскрутимся с ним? Иногда и думаешь: а пошло все оно в одно место. Только вот: что мне люди скажут-то? Тебе жить не на что, скотина? А мы тебя еще народным депутатом выбирали. С Астафьевым ты вроде дружил. Да, есть очень богатые люди, пишущие. С прислугой, с телохранителями. Верите ли, что я им не завидую?

— Да верю...

— Я другому завидую. Точности фраз. Женщина из Перми прислала в "День и ночь" текст. Не хуже Улицкой, но кто об этом узнает? В Москве мелькают одни и те же лица, во всех передачах, в том же "Апокрифе". Это тусовка. Вот роман Андрея Мальгина "Советник президента", там как раз о тусовке, о том, что это за люди. Убогие - у Бога в ногах: только их Бог сами знаете что...

Рыбаки и грибники

— Оно понятно, что тяжело. Но все же - как провинциальному автору привлечь к себе внимание? Всероссийское?

— Либо скандальный роман на грани фола, и в каком-нибудь ОЛМА-Пресс это выйдет. Можно стать известным и удержаться. Либо написать гениальный текст, но к нему должна прилагаться удача или деньги, будь они прокляты! Без них текст просто не будет издан, а кто прочтет неизданное? Воланд? Наконец, можно просто переехать в Москву. В провинции не сделаешь ничего. Даже путь Астафьева или Распутина лежал через московские издательства. А сейчас ситуация только усугубилась.

— Играют у нас литературные премии свою роль? Чтоб ее присудили - и сразу ты вышел "в люди"?

— По большому счету, нет. Вот государственная премия, она дается "за все", за некую совокупность заслуг. Недавно ее дали Ахмадуллиной. В следующий раз кто получит? Кушнер? Рейн? Это достойные, уважаемые люди. Но никто молодой госпремию по определению не получит.

— А "Букер", на который номинируетесь, - он лучше?

— Там есть объективность оценки в пропорции пятьдесят на пятьдесят. Это скорее высокий показатель, чем низкий. Что еще есть? Премия Аполлона Григорьева - очень престижная, в жюри ведущие критики. Но в виде самой премии дается не то бутылка водки, не то один рубль. Все упирается в спонсоров. Вот Чубайс свою премию учредил, называется "Поэт". Дали ее, конечно, питерцу Кушнеру. Я не против того, чтобы у РАО "ЕЭС" была своя премия, но нам нужна государственная поддержка.

— Союзам писателей ничего не перепадает совсем?

— У писательских союзов юридический статус общественных организаций. То есть клубов по интересам, вроде рыбаков, грибников и собаководов. Какая тут господдержка? Я готов обратиться к Путину: дайте нам специальный закон, выделяющий творческие союзы. Давайте возродим Литфонд. Это не советское изобретение, это еще в середине XIX столетия русские писатели скинулись на помощь коллегам. Прежде всего, больным. В советское время на средства Литфонда писатели брали себе больничный, ездили в санаторий. Почему прекратилось? Каждое издательство отчисляло в Литфонд процент или два от цены каждой книги. Сейчас издательства, наоборот, стремятся обмануть даже собственных авторов: Вот Маринина, кажется, недавно судилась.

— Давайте о той премии, которая ближе: имени Виктора Астафьева, для молодых. Какая-то она загадочная. Десять лет дают - никто не знает, кто именно. Жюри там было вообще?

— Изначально ее учредил Виктор Петрович. В жюри были я и Марина Олеговна Саввиных. Случилось пару раз, лауреатов назвал сам Астафьев.

— Хорошо, как с ней обстоит дело сейчас?

— В этом году, по предложению президента Фонда им. Астафьева Евгении Кузнецовой, премия стала всероссийской. Из сотни рукописей мы отобрали в редакции "Дня и ночи" пятнадцать. По каждой номинации - поэзия, проза и так далее - оставили трех авторов. Выбирать лауреата будет жюри, которое соберется здесь: Анненский, Кураев, Курбатов, Попов, Павлов, я и Саввиных по традиции. Большинством голосов. 23 сентября премия будет вручена. Перед тем для ребят пройдут мастер-классы.

Приметы для Чубайса

— Вы порядка десяти раз говорили о закрытии журнала "День и ночь". Нет опасения, что это все крики: "волки! волки!". А когда придут волки, никто уже не поверит.

— А волки были самые настоящие! Несколько лет назад журнал полгода не выходил. А разве это журнал - полгода не выходящий? Это скорее альманах какой-то. В такие времена мы используем редакцию по-другому. Проводим тут занятия с лицеистами, одно время собирались фантасты:

— Знаю, собирались.

— Могу эксклюзивную байку рассказать. Про финансирование журнала. Стоило мне попросить о помощи Ходорковского, как его через две недели посадили. Написал письмо министру культуры Швыдкому - через неделю его уволили из министров. Написал Чубайсу, через пару дней Москва осталась без света. Вот думаю, кому еще написать.

— Роман Харисович, а вы вообще кто: поэт, прозаик, драматург, чиновник, менеджер от культуры? Сам для себя, в первую очередь?

— Я наивный деревенский стихотворец, кем был, тем и остался. Клянусь вам. Но граница между жанрами размыта. Просто каждая тема требует своего режима. Вот, скажем, сейчас я написал пьесу "Режим аська": Знаете "аську"?

— Знаю. Но я темный, "аську" ненавижу - не пользуюсь.

— Сюжет такой: девочка в Интернете нашла текст, вычитала из него, что надо покончить с собой. Списалась с автором. А потом выясняется, что она еще школьница. И тот ее в рваных диалогах убеждает, что жизнь прекрасна: Не знаете, какому театру в Красноярске отдать? Кто бы поставил?

— Отдайте кому обычно.

— Кому обычно - это уже в Москве.